

О. В. Довгарь

Лютеранские церкви Санкт-Петербурга в русско-немецком культурном диалоге первой половины XVIII в.

Статья посвящена межкультурному взаимодействию, обуславливающему взаимопроникновение различных по качеству, содержанию и уровню культурных форм и смыслов, проявляющих в межкультурном диалоге свои сущностные характеристики. Данное взаимодействие рассмотрено на примере русско-немецкого культурного диалога первой половины XVIII в. и роли в нем лютеранских церквей, которые, изначально возникая как сугубо центры этнических немецких общин, становились впоследствии социокультурными центрами. В статье отмечается, что в новом культурном пространстве лютеранские церкви, кроме непосредственно религиозных функций, выполняли также функции социокультурной адаптации – интеграционную, благотворительную, образовательную, и т. д. В истории лютеранских церквей Санкт-Петербурга автор выделяет два уровня русско-немецкого диалога в культурном пространстве Северной столицы: «внешний диалог» обусловлен локализацией, художественными особенностями стилистики культовых сооружений, отражающих культурную парадигму немецкого лютеранства; «внутренний диалог» направлен на трансляцию культурных смыслов – религиозную и трудовую этику, рационализм.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, диалог культур, культурная адаптация, лютеранские церкви Санкт-Петербурга XVIII в.

Olga V. Dovgar

Lutheran churches of St. Petersburg in the Russian-German cultural dialogue in the first half of the 18th century

The article is devoted to cross-cultural interaction, which determines the interpenetration of cultural forms and meanings of different quality, content and level, manifesting their essential characteristics in intercultural dialogue. This interaction is considered on the example of the Russian-German cultural dialogue of the first half of the 18th c. and the role of the Lutheran churches in it, which, initially emerging as purely centers of ethnic German communities, later became sociocultural centers. The article notes that in the new cultural space the Lutheran churches, in addition to their direct religious functions, also performed the functions of socio-cultural adaptation – integration, charitable, educational, etc. In the history of St. Petersburg Lutheran churches, the author distinguishes two levels of Russian-German dialogue in the cultural space of 'Northern capital': «external dialogue» is due to the localization, artistic features of the style of religious buildings, reflecting the cultural paradigm of German Lutheranism; «internal dialogue» is aimed at translating cultural meanings – religious and work ethics, rationalism.

Keywords: cross-cultural interaction, dialogue of cultures, cultural adaptation, Lutheran churches of St. Petersburg of the 18th century

DOI 10.30725/2619-0303-2022-1-38-45

В истории мировой культуры процесс взаимодействия культур происходил повсеместно и постоянно с разной степенью интенсивности и в различных формах, со временем приобретая национально окрашенную специфику. Процесс включения отдельных элементов и культурных форм одной национальной культуры в другую редко был простым копированием последних. В любом случае данный процесс имел сложный и неоднозначный характер.

Культуру как систему взаимного обмена идеями, концепциями, ценностями, возникающего в процессе диалога культур и формирования уникальности культуры в процессе межкультурного взаимодействия рассматри-

вали М. М. Бахтин, В. С. Библер, П. С. Гуревич, С. Н. Иконникова, М. С. Каган. Структуру межкультурного взаимодействия, осуществляемого на различных уровнях, описывали С. А. Артановский, О. Н. Астафьева, Б. С. Ерасов, С. Н. Иконникова, Л. Г. Ионин, И. В. Кондаков, М. В. Кривошлыкова, Е. Н. Курбан, К. Леви-Стросс, Г. Херсковиц и др. В частности, В. С. Библер отмечает, что культура – это особая форма общения и одновременного бытия людей прошлых, настоящих и будущих культур (это не логический «круг», но действительный смысл определения), «межкультурная коммуникация» – это коммуникация, в результате которой рождается «новый всеобщий социум культур» [1, с. 292].

Идея диалога культур как одной из форм коммуникации впервые была затронута М. М. Бахтиным. В его понимании происходит постоянное взаимодействие носителей различных ценностных систем, а в результате диалога культур между различными народами, группами, людьми ценности одних становятся достоянием других, что приводит к взаимопониманию и постижению смыслов другой культуры. Каналы общения могут быть различные. Непосредственные (между носителями различных культур) подразумевают прямой диалог, где в личной беседе можно задавать вопросы и получать ответы, проникая в суть проблемы. Опосредованный канал общения может осуществляться, например, через искусство, репрезентирующее читающему или слушающему смыслы, характерные для создавшей его культуры. В любом случае в результате межкультурного взаимодействия возникает диалог, приводящий к обмену различного уровня ценностями (духовным, материальными, социальными, эстетическими, религиозными и т. д.). В таком диалоге происходит сближение культур и их взаимообогащение, расширение кругозора, приобретение межкультурного опыта общения [2]. В результате изучения данной проблемы в отечественной культурологической мысли сформировался метод «диалога культур», с помощью которого плодотворно изучаются межкультурное взаимодействие различного уровня и в разный историко-культурный период. Таким образом, в концепции культурного взаимодействия феномен диалога культур рассматривается как особый тип непосредственных отношений, складывающийся между представителями различных культур, которые могут носить как спорадический, так и приобретать вид устойчивых связей. Результатом подобного взаимодействия (диалога культур) становится актуализация новых культурных форм. Но, как справедливо отмечают Е. Н. Курбан и М. В. Кривошлыкова, эпизодический обмен товарами, технологиями и информацией, а также контакты или даже устойчивые хозяйственные и другие отношения, которые не затрагивают глубоких уровней в структуре культурной истинности, в системе ценностей или обрете жизни представителей той и другой культуры, не могут быть отнесены к взаимодействию культур, а выступают простыми формами сосуществования или контактов культур друг с другом [3, с. 99]. Потому необходимо подчеркнуть, что культурное взаимодействие должно иметь своим результатом серьезные социокультур-

ные трансформации и сдвиги, формирующие новые ценностные смыслы.

Взаимодействие культур можно проанализировать на различных уровнях: этническом, профессиональном, политическом, экономическом и т. д. Один из самых сложных уровней – цивилизационный, который возникает в процессе межэтнического взаимодействия представителей различных народов. В результате подобного взаимодействия происходят наиболее существенные сдвиги во всех сферах культуры – художественной, образовательной, научной, экономической, повседневной и т. д. Важна также морфология взаимодействия, т. е. содержание культурного взаимодействия. Среди форм взаимодействия прослеживается обмен технологиями и научно-техническими достижениями, специалистами, новациями в сфере строительства, религиозными идеями. Также надо помнить, что культурное взаимодействие может иметь как мирный (торговля, туризм), так и насильственный характер (военные захваты территории, колонизация и др.). В результате формируются специальные социальные институты, отвечающие за эффективность межкультурного сотрудничества на различных уровнях. Данный процесс чаще всего связывают с политическими двусторонними связями, но не менее важны и культурные институты (образовательные, религиозные, научные), которые, выступая в качестве «мягкой силы», сохраняют даже в самой сложной политической обстановке контакты между народами, зачастую, в будущем выступая важным каналом налаживания межгосударственного сотрудничества.

Вместе с тем процесс культурного взаимодействия нередко сопровождается противоречиями и конфликтами, связанными с различными ценностями и нормами носителей культуры, имеющих специфическое национальное сознание, создающее барьеры для эффективного культурного общения. Также в результате совместной деятельности представителей различных культур могут происходить бытовые конфликты, обусловленные сложным процессом адаптации к новым условиям жизни. С повседневными проблемами чаще всего сталкиваются специалисты, прибывающие на постоянное или временное проживание в другую страну. Приспособление к новым для себя условиям жизни вынуждает экспатов искать привычный «круг общения», который на первых порах помогает осуществлять процесс социокультурной адаптации к новой среде.

В культуре России XVIII в. намечались цивилизационные сдвиги, которые были инициированы сверху – волей царя Петра I, ставившего своей целью полную модернизацию страны. Петр I полагал, что без высококлассных специалистов в различных областях науки и искусства данный рывок не будет эффективным. Россия не располагала собственной конкурентоспособной научно-технической базой, потому необходимо было выстраивать новые социальные институты – образовательные, научные, художественные, которые могли бы обеспечить возрастающие реформаторские потребности. Приглашение европейских специалистов, которые могли в короткие сроки оказать существенную помощь, было одним из стратегических решений царя Петра I на пути социокультурного преобразования страны.

В первой четверти XVIII в., по приглашению Петра I в страну прибыло большое количество специалистов – протестантов по вероисповеданию, что вызывало к жизни необходимость упорядочить религиозный аспект отношений между вновь прибывшими и Российским государством. В результате появился ряд указов царя, Сената и Синода, регулирующих взаимоотношения между лютеранами и государственными структурами. Царь, приглашая в первую очередь профессионалов из Европы, безусловно, осознавал необходимость адаптации европейцев – немцев, французов, голландцев и др. – к новым реалиям российской жизни. Так, он издал 27 апреля 1702 г. манифест «О ввозе иностранцев в Россию с обещанием свободы вероисповедания», гарантировавший привилегии, карьерный рост, а также, что было крайне важно, веротерпимость [5]. Здесь необходимо отметить, что традиционно Россия исповедовала ветвь христианства, воспринятого в X в. из Византии, и оставалась приверженной ему на протяжении сотен лет. В результате раскола единой христианской церкви в XI в. возникла римско-католическая церковь, а позднее, вследствие деятельности М. Лютера в XVI в., – протестантизм. Стоит отметить, М. Лютер, высоко оценивал деятельность православной церкви как альтернативного папству религиозного пути. В 1519 г., дискутируя с И. Экком, Лютер называл православие «лучшей частью Вселенской церкви», подчеркивая ее справедливое устройство [5, р. 280]. На протяжении длительного существования отношение русского православия с другими христианскими конфессиями складывались

весьма непросто, что нашло отражение не только в богословских диспутах, но и на бытовом уровне, и в политических противостояниях. Потому возведение храмов иных христианских конфессий в России не было широко распространено. Так, в 1582 г. на ходатайство о строительстве католического храма иезуитом Антонием Поссевином Иван Грозный ответил, «Римлянам, Венецианам и Цесаревой области торговым людям в Московское государство приезжать и торговать повольно и попам с ними их веры ездить воля безо всякого возбранения, только им учения своего Русским людям не плодить и костелов им в государстве Московском не ставить» [6, с. 290]. Лютеранам, которые стали активно служить при дворе, начиная с XVI в. было также не просто адаптироваться к новым реалиям, как и представителям других церквей. Отец Петра I – Алексей Михайлович – разрешал лютеранам исповедовать свою религию и даже ставить кирхи, но запретил переход из одной конфессии в другую. В Соборном «Уложении» в главе XXII / 24 он ввел смертную казнь «за совращение из православия» [7, с. 292]. Но, как замечают С. Филатов и А. Степина, лютеранство в отличие от католицизма не было столь жестко принимаемо в России. Католицизм вел свою экспансию на русские земли в течение нескольких веков, пытаясь обратить православных в свою веру. А скромная этническая религия иноземных купцов, инженеров, врачей, офицеров и других специалистов не вызывала у русских такой идиосинкразии [8]. Интенсивность контактов русских с европейцами в допетровскую эпоху была невысока, а полный или частичный запрет на строительство храмов других конфессий во многом замедляли межкультурное взаимодействие, ограничивали проезд в Россию специалистов, в которых она нуждалась.

В XVII в. появился новый канал распространения протестантизма в России – через территории Ингерманландии (Северной Ингрии). К началу царствования Петра I протестантизм был распространен в северо-западных районах России, что во многом было обусловлено их географическим положением – исторически данные земли являлись своеобразной «буферной зоной» интересов между Московским государством и Швецией, которая стремилась к полному господству над акваторией Балтийского моря. В течение XVI – начале XVII в. в ходе военных столкновений между Россией и Швецией и последующих мирных договоренностей эти земли переходили

дили из рук в руки. В Ингерманландии укоренилась лютеранская традиция, распространившаяся среди финнов, заселявших данные территории. Это обусловило появление различных протестантских центров, среди которых наиболее известными стали приходы в Вуоле, Губанице, Ижоре, Колпане, Лемболово, Лисино, Марково, Молосковице, Скворице, Токсово и др. [9, с. 62]. Важно подчеркнуть, что на землях, вошедших в состав Швеции по Столбовскому мирному договору от 1617 г., проживало население, исповедовавшее православие, благодаря чему сохранялись тесные связи с Московским государством.

Это противоречило интересам шведов, которые стремились укрепиться на данных землях, в том числе с помощью распространения новой веры. Так, король Густав II Адольф 14 апреля 1625 г. издал указ открыть в Стокгольме славянскую типографию для печатания духовных лютеранских книг. В 1628 г. на русском языке появился «Малый катехизис» (Мартин Лютера) [10, с. 68]. Несмотря на все усилия со стороны лютеранских проповедников, склонить православное население Ингерманландии и Карелии к переходу в другую веру не удавалось. Как отмечал епископ И. Гецелиус – младший, Нарвский суперинтендент, говоря об итогах верообращения, он вынужден был констатировать: «результат наших больших усилий и расходов был почти ничтожным» [11, с. 37]. Тогда шведское правительство пошло иным путем – в Ингерманландию и Карелию стали переселять финское население, уже принявшее к этому времени протестантизм. Король Густав II Адольф издал манифест, приглашавший к переселению в новые земли шведских подданных, а также иностранцев, желавших получить в пользование на длительный срок земли в данном регионе. Таким образом, шведы стремились изменить этнокультурный состав Ингерманландии и Карелии, включив земли в орбиту собственного геополитического влияния, посредством расселения народов, исповедующих лютеранскую веру. В 1641 г. шведы институализировали управление на занятых территориях, создав в Нарве суперинтендентцию и консисторию, в ведении которых находились все храмы и приходы проживавшего здесь населения.

Ко времени победы Петра I в Северной войне и возвращения данных земель в сферу влияния России лютеранство стало доминирующей религией в данном регионе. Здесь существовало 28 протестантских приходов с многочисленными капелланскими филиа-

лами [8]. Естественно, что лютеранские приходы формировались вокруг протестантских храмов, которые активно возводили в Ингерманландии и Карелии. Среди самых известных – деревянная кирха в деревне Петрово Старосквирицкой мызы (позже преобразованная в кирху Святой Екатерины), кирха Святого Иоанна Крестителя в Губаницах (1656 г.), кирха Святого Михаила в Жеребятках (упоминание от 1676 г.), лютеранская часовня прихода Лампула с центром в деревне Лампово и др. [12, с. 299–308]. Необходимо подчеркнуть, что практически все они были перестроены в более позднее время в XVIII–XIX вв.

Создавая новую столицу России, Санкт-Петербург, Петр I в противовес Москве строил ее как многонациональный и поликонфессиональный город, чему должны были способствовать интенсивные контакты с представителями других народов, исповедующих иные религии. Веротерпимость стала одним из символов новой столицы, воплощенная в конкретных формах – в храмовом строительстве. С этого момента лютеранство, по сути, стало второй по значимости, после православия, религией в новой столице, имея поддержку со стороны государства. Высокие государственные должности получили многие немцы, исповедовавшие протестантизм, а русские монархи роднились с известными лютеранскими королевскими домами Северной Европы. Таким образом, родственные связи, государственная служба, контакты в сфере образования сближали представителей некогда конфликтовавших между собой конфессий, делая лютеранскую веру понятной для русской элиты и простого народа.

В 1715 г. Петр I попытался создать централизованную систему управления протестантскими церквями России, для чего поручил московскому пастору Бартольду Фагециусу, назначенному в 1711 г. суперинтендантом, т. е. главой всех лютеранских приходов России, провести реформу и поручил следить за порядком в протестантских общинах. Но различного рода противоречия внутри самой лютеранской общины не позволили создать единую централизованную структуру управления, которая появилась в России только в XIX в. [13].

Различные стадии диалога культур прослеживаются в истории немецко-русского межкультурного взаимодействия в сфере религии. Центром подобного взаимодействия становятся протестантские храмы, строившиеся в Санкт-Петербурге. Летом-осенью 1703 г. в Петербурге появляются первые про-

тестантские общины в основном из прибывающих в город специалистов в сфере строительства, военного и инженерного дела. Одна из первых немецких общин формируется на территории Петропавловской крепости. Именно здесь в 1704 г. (по иным источникам – в 1705 г.) по приказу Петра I возводят первую лютеранскую деревянную кирху Св. Анны, которую посещало все протестантское население Санкт-Петербурга, а также прибывавшие в город иностранцы. Позже ее перенесли на Городовой остров. Так, Л. Ю. Эренамльм писал: «Внутри крепости есть лишь немецкая и русская церкви, несколько деревянных домов для находящихся там гарнизонных офицеров» [14, с. 92]. https://azbyka.ru/otechnik/Avgustin_Nikitin/nemetskie-hramy-sankt-peterburga/-note445

К 1712 г. Санкт-Петербург постепенно обретает статус столицы – сюда переезжают правительственные учреждения, здесь поселяется царь и двор. Также в это время в поисках заработка и карьерного роста в Россию мигрируют европейцы, среди которых большую часть составляют переселенцы из многочисленных немецких земель. На левом берегу Невы постепенно формируется немецко-голландское лютеранско-реформатское поселение, получившее название «Немецкая слобода», а на Адмиралтейской стороне, недалеко от Немецкой слободы располагалась Финская шхера – слобода, которую заселяли перебравшиеся из опустошенных земель Северной Ингрии шведы и финны, а также военнопленные. Таким образом, в Санкт-Петербурге проживали иноземцы, исповедовавшие различные ветви протестантской религиозной идеологии – англиканства, лютеранства, кальвинизма (реформатства).

На правом берегу р. Мойки находилась Немецкая слобода, простиравшаяся до современного Невского проспекта, а центральной магистралью была т. н. «Большая улица», которая с 1730-х гг. получила название Немецкой, а позже – Большой Немецкой. Греческая улица (позже – Большая Греческая; ныне – Миллионная улица) также получила свое название благодаря расположенной здесь этнической слободе. Со словный состав был весьма разнообразным: военные, чиновники, ремесленники, купцы и министры. Здесь компактно проживали представители разнообразных профессий.

Недалеко от Большой Немецкой улицы – на набережной Невы и Зимней канавки – по проекту немецкого архитектора и скульптора Г. И. Маттарнови построен Зимний дво-

рец Петра I. Г. И. Маттарнови также спроектировал Адмиралтейскую сторону, но из его оригинальных проектов сохранилось лишь здание Кунсткамеры и фрагменты Зимнего дворца, ставшие частью Эрмитажного театра [15]. Подобное соседство лишний раз подчеркивает особую роль немецких переселенцев и их значение для реализации петровских замыслов. Также в Немецкой слободе располагались дома генерал-адмирала Апраксина и вице-адмирала Крюйса.

Вместе с тем в растущем городе не хватало зданий, где протестанты разных направлений могли бы проводить богослужения. Главы религиозных общин старались компенсировать возникший дефицит. Так, вице-адмирал К. И. Крюйс (позже адмирал российского флота) на территории собственной усадьбы возвел деревянную кирху, где служили приглашенные им из Германии пасторы. Подробные описания церкви и ее местоположения встречаются в записках Ю. Юля, Ф. Х. Вебера [14, с. 109]. В частности, первым пастором в кирхе стал В. Толле (Толль), которого сменил И. А. Паули [16, с. 109]. Все возрастающее число прихожан обусловило потребность в строительстве постоянно действующего крупного храма. Для этих целей необходимо было собрать довольно большую сумму. Поэтому было решено «взымать» по 5 рублей пожертвований с каждого прибывавшего на постоянное проживание, а также с судов, приходящих в город – т. н. «корабельные деньги», которые шли на строительство и дальнейшее содержание храма.

В 1727 г. по ходатайству А. И. Остермана Петр II пожаловал протестантам пустующий участок земли вдоль Невского проспекта (Невский 22–24), где 29 июня 1728 г. был заложен будущий храм. 14 (25) июня 1730 г. церковь торжественно освятил пастор Нацциус, приурочив ее открытие к 200-летию Аугсбургского исповедания. Здание церкви, освященной во имя апостолов Петра и Павла, было построено в характерном для этой эпохи стиле петровского барокко – оно было из красного кирпича с деревянной башенкой. В декабре 1737 г. в церкви был освящен орган, выполненный мастером И. Г. Иоахимом, а окончательное оформление интерьера храма было завершено к 1738 г. Архитектурный комплекс завершали дом пастора и здание школы – Петришуле [17]. В 1740 г. все деревянные здания, выходящие фасадом на Невский пр. по приказу «Комиссии о Санкт-Петербургском строении» были снесены, чтобы обезопасить город от возможных

пожаров. Было принято решение вдоль главной улицы города возводить исключительно каменные постройки. Таким образом, на месте деревянных построек рядом с церковью Св. Петра и Павла возвели новые здания: дом пастора и школы по проекту К. Кемпфа. А позже, в 1833 г., по проекту архитектора А. Брюллова была перестроена и сама церковь, к тому времени обветшавшая. Зодчий спроектировал известное в настоящее время здание лютеранского храма во имя Апостолов Петра и Павла, органично сочетающее черты русского классицизма и романской базилики. Община при церкви Св. Петра считалась самой богатой из лютеранских общин Санкт-Петербурга, так как ее прихожанами были самые состоятельные и влиятельные люди новой столицы, например Б. К. Миних, что сделало кирху ведущим и главным лютеранским храмом города [18].

Еще одним лютеранским храмом, построенным на берегах Невы, стала церковь Св. Анны – Анненкирхе, созданная по проекту Ю. М. Фельтена в 1779 г. В 1711 г. Петр I на левом берегу Невы основал Литейный двор для нуждавшейся в пушках армии, так как страна вела войну со Швецией. Сюда же по приказу царя из Москвы была переведена дивизия генерал-майора Г. И. Бонна, которую преимущественно составляли немцы-лютеране. Их сопровождал полевой проповедник И. Л. Шаттнер, которого сподвижник царя, граф Я. В. Брюс просил о богослужении для всех лютеран в округе в местной домово-вой церкви [19, с. 295]. Приход становился все больше и стал нуждаться в собственном храме. Тогда по инициативе Я. В. Брюса лютеранам выделили участок земли между Фурштатской улицей и 4-й Артиллерийской (ныне Кировской). Денег на строительство не было, так как данную территорию, в отличие от Немецкой слободы, где проживало довольно состоятельное население, составляли в основном мастеровые – литейщики, низшие офицерские чины, рабочие, чей доход был весьма скромным. Тогда по инициативе покровителя общины генерал-лейтенанта Р. Брюса была перенесена из Петропавловской крепости на Литейный двор деревянная кирха, которая хоть и нуждалась в ремонте, но все-таки была пригодна для богослужения. После длительной реконструкции 18 марта 1722 г. церковь была освящена в честь Св. Анны. Будучи храмом в Петропавловской крепости, она носила название церкви Св. Петра, но, чтобы не было путаницы с храмом на Невском пр., ее было решено переименовать

[20, с. 259]. Так Г. Богданов отмечает: «Кирха лютерская за Литейным двором, прежде была деревянная, а ныне каменная во имя святыя Анны. Сия кирка есть одна из древних потому, что она с первых лет застроена была у Мытного двора против кронверка, или по тогдашнему званию в Татарской, которая, не достроена будучи, долго стояла и потом перенесена к Литейному двору» [21, с. 316]. На пожертвования императрицы Анны Иоанновны в 1735 г. была возведена деревянная церковь на месте будущей каменной Анненкирхе. Храм стала центром для всех лютеран, проживавших в районе Литейного двора. Еще одним из старейших храмов, вокруг которого формировалась немецкая община, стала церковь Святой Екатерины, расположившаяся на Васильевском острове, куда в 1728 г. активно переселялась часть населения Немецкой слободы. Здесь находилась Академия наук, университет, располагалась Биржа, где в большинстве своем служили немцы. Община острова постепенно отделилась от Петрикирхе в силу неудобства посещения церкви весной и осенью, когда убирала наплывной мост. В результате селившегося на острове местного населения стало самостоятельным приходом, получившим название «Преображенское».

Первые богослужения проходили в частном, купленном у православного священника, доме (переулок Репина). В одной части дома проживал священник, в другой проходило богослужение [22, с. 154]. С ростом общины появилась необходимость строительства нового здания, которое было освещено в 1734 г. О. Л. Трефуртом. Позже храм был перестроен, так как наводнение 1745 г. повредило фундамент церкви. Окончательный вид по проекту архитектора Ю. М. Фельтена она приобрела в 1768–1771 гг. – в царствование Екатерины II. В 1736 г. при храме была открыта церковная школа. Кроме отмеченных крупнейших приходов Санкт-Петербурга в первой половине XVIII в. лютеранские храмы возникли при Первом Кадетском корпусе – церковь Св. Михаила (1732 г.), в Кронштадте при церкви Св. Елизаветы (1718 г.), в приходе Дудергоф – церковь Св. Троицы (1836 г.) и т. д.

Таким образом, лютеранские церкви, строившиеся в Санкт-Петербурге в XVIII в., кроме непосредственного отправления религиозного культа выполняли важные функции адаптации и аккумуляции немецких переселенцев, характерные для других социокультурных институтов: образовательную – сохраняли родной язык, открывали школы и гимназии, благотворительную – оказывали

материальную поддержку нуждающимся, функцию профессиональной адаптации – помощь с устройством на работу и т. д. Кирхи принимали непосредственное участие в самоорганизации немцев, которые группировались вокруг лютеранских храмов, формируя уникальные локальные диаспоры – Немецкую слободу, Литейный двор, Преображенский приход и т. д. Лютеранские храмы стали культурными социальными центрами для своих прихожан. Здесь собирались, чтобы решать и обсуждать многие бытовые вопросы, связанные с насущными потребностями общины, осуществляли сбор средств для материальной помощи нуждающимся, ремонта и строительства зданий и т. д. Лютеранская церковь занималась образованием прихожан. При всех приходах открывали учебные заведения, которые должны были удовлетворять потребности в обучении детей и подростков. Крупнейшие школы и гимназии при лютеранских храмах имели репутацию заведений, дающих качественное образование. Поэтому их посещали не только немцы-лютеране, но православные русские жители новой столицы, желающие выучить иностранные языки и познакомиться с передовыми идеями в сфере образования. Лютеранские церкви становились частью архитектурного пространства Санкт-Петербурга. В этом контексте немецкие общины, где храмы являлись центрами духовной жизни экспатов, конструировали уникальное мультикультурное пространство Санкт-Петербурга XVIII в. В этом смысле ведущийся в культуре XVIII в. русско-немецкой диалог, посредником которого выступает лютеранская церковь, может быть рассмотрен в двух аспектах – как «внешний» и «внутренний» диалог.

В первом случае происходит взаимодействие с внешней стороной, выраженной в уникальной форме лютеранского храма, его локализации, художественных особенностях, отражающих стилевые и эстетические представления немцев той эпохи, семиосферой, фокусирующей культурную парадигму немецкого лютеранства, а именно – религиозное представление о мире. «Внутренний» диалог идет на уровне трансляции культурных ценностей смыслов: религиозная этика, делавшей акцент на спасение через веру, а не обряд и внешние действия; трудовая этика, обосновавшая необходимость добросовестного и усердного труда, служение людям; рационализм как форма познания истины и т. д. Благодаря трансляции новых культурных смыслов шел процесс взаимодействия

русской и немецкой культуры, формировался новый культурный сплав, который определил специфику развития русской культуры в Новое и Новейшее время.

Список литературы

1. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. Москва: Политиздат, 1990. 413 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. Москва: Искусство, 1986. 445 с.
3. Курбан Е. Н., Кривошлыкова М. В. Межкультурное взаимодействие и межкультурная коммуникация: к определению аспектов // Социум и власть. 2013. № 1 (39). С. 97–101.
4. Манифест Петра I о приглашении иностранцев на поселение в Россию. 15.04.1702 // Фонд Александра Н. Яковлева: Интернет-проект. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/65202> (дата обращения 10.11.2021).
5. Luther M. Disputatio Iohannis Eccii et Martini Lutheri Lipsiae habita. 1519 // Luthers M. Werke. Kritische Gesamtausgabe. Weimar: Böhlau, 1884. Bd 2. S. 250–383. URL: <https://archive.org/details/werkekritischege02luthuoft/page/250/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 5.02.2021)
6. Цветаев Д. В. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI–XVII веках. Москва: Унив. тип., 1886. [8], 462, LIX с.
7. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года: учеб. пособие для высш. школы. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с., 4 отд. л. «Соборное уложение 1649 года»: ил. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm>. (дата обращения: 10.11.2021).
8. Степина А. Филатов С. Б. Русское лютеранство: между протестантизмом, православием и католицизмом // Дружба народов. 2002. № 9. С.148–159. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2002/9/russkoe-lyuteranstvo-mezhdu-protostantizmom-pravoslaviem-i-katolicizmom.html> (дата обращения: 10.11.2021).
9. Заднепровская А. Ю. Об этнической культуре ингерманландских финнов // Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов: памяти Д. В. Бубриха: сб. науч. тр. Санкт-Петербург: Рос. этногр. музей, 1994. С. 55–63.
10. Некрасов Г. А. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX–XVIII вв. Москва: Наука, 1993. 272 с.
11. Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск: Госиздат КФСР, 1956. 79 с.
12. Деревнина Е. А., Князева Е. Е., Соловьева Г. Ф. Лютеранские церкви и приходы на Северо-Западе России XVIII–XX вв.: ист. справ. Санкт-Петербург: Аврора, 2021. 352 с.
13. Андреев А. Н. Протестантские церкви и общины Москвы в XVIII в. // Вопросы истории. 2013. № 12. С. 148–158.

14. Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. 278 с.

15. Дмитриев В. К. Архитекторы Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург: Корона принт, 2007. 332 с.

16. Кравчун П. Н. Органы немецких мастеров в петербургских храмах // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. Санкт-Петербург: Росток, 2005. С. 189–216.

17. Довгарь О. В. Вклад немцев в формирование педагогической культуры России в первой половине XVIII века // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. № 4 (49). С. 45–51.

18. Августин (Никитин), архим. Немецкая Евангелиско-лютеранская церковь Св. Петра // Немцы в России. Петербургские немцы. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. С. 281–320.

19. С. Л-г. О лютеранских и реформатских церквях в С.-Петербурге // Православное обозрение. 1863. № 12. С. 286–315.

20. Таценко Т. Н. Немецкие евангелиско-лютеранские общины в Санкт-Петербурге в XVIII–XX вв. // Немцы в России. Петербургские немцы. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999. С. 245–280.

21. Богданов А. И. Описание Санктпетербурга: полное изд. уникал. рос. ист.-геогр. труда середины XVIII в. / Сев.-Зап. Библ. Ком.; С.-Петерб. фил. Арх. РАН. Санкт-Петербург, 1997. 414 с.

22. Туманский Ф. Описание Санкт-Петербурга. Статья четвертая. Васильевский остров // Российский магазин. 1792. Ч. 1. С. 154.

References

1. Bibler V. S. From science teaching to the logic of culture. Two philosophical introductions to the twenty-first century. Moscow: Politizdat, 1990. 413 (in Russ.).

2. Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. 2nd ed. Moscow: Iskustvo, 1986. 445 (in Russ.).

3. Kurban E. N., Krivoslykova M. V. Intercultural interaction and intercultural communication: to the definition of aspects *Society and power*. 2013. 1 (39), 97–101 (in Russ.).

4. Manifesto of Peter I on the invitation of foreigners to settle in Russia. 15.04.1702. *Alexander N. Yakovlev Foundation*: Internet project.. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/65202> (accessed: Nov.10.2021) (in Russ.).

5. Luther M. Disputatio Iohannis Eccii et Martini Lutheri Lipsiae habita. 1519 // *Luthers M. Werke. Kritische Gesamtausgabe*. Weimar: Böhlau, 1884. Bd 2. S. 250–383. URL: <https://archive.org/details/werkekritischege02luthuoft/page/250/mode/2up?view=theater> (accessed: Febr.5.2022)

6. Tsvetaev D. V. From the history of foreign confessions in Russia in the XVI–XVII centuries. Moscow: Univ. typ., 1886. [8], 462, LIX (in Russ.).

7. Tikhomirov M. N., Epifanov P. P. Cathedral code of 1649: textbook for higher schools. Moscow: Publ. house

Moscow univ., 1961. 444, 4 separate sheets «Cathedral Code of 1649»: ill. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm>. accessed: Nov.10.2021) (in Russ.).

8. Stepina A. Filatov S. B. Russian Lutheranism: between Protestantism, Orthodoxy and Catholicism. *Friendship of Peoples*. 2002. 9, 148–159. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2002/9/russkoe-lyuteranstvo-mezhdu-protestantizmom-pravoslaviem-i-katolicizmom.html> (accessed: Nov.10.2021) (in Russ.).

9. Zadneprovskaya A. Yu. On the ethnic culture of the Ingermanland Finns. *Problems of ethnic history and interethnic contacts of the Baltic-Finnish peoples*: in memory of D. V. Bubrikh: coll. sci. art. Saint-Petersburg: Russ. Museum of Ethnography, 1994. 55–63 (in Russ.).

10. Nekrasov G. A. A thousand years of Russian-Swedish-Finnish cultural ties in the 9th-18th centuries. Moscow: Nauka, 1993. 272 (in Russ.).

11. Zherbin A. S. Migration of Karelians to Russia in the 17th century. Petrozavodsk: Gosizdat KFSR, 1956. 79 (in Russ.).

12. Derevnina E. A., Knyazeva E. E., Solovieva G. F. Lutheran churches and parishes in northwestern Russia in the 18th–20th centuries: a historical ref. bk. Saint-Petersburg: Aurora, 2021. 352 (in Russ.).

13. Andreev A. N. Protestant churches and communities in Moscow in the 18th century. *Issues of history*. 2013. 12, 148–158 (in Russ.).

14. Bespyatykh Yu. N. Petersburg of Peter I in foreign descriptions: Introduction. Texts. Comments. Leningrad: Nauka. Leningrad dep., 1991. 278 (in Russ.).

15. Dmitriev V. K. Architects of Saint-Petersburg. Saint-Petersburg: KORONA print, 2007. 332 (in Russ.).

16. Kravchun P. N. Organs of German masters in Saint-Petersburg churches. *Germans of Saint-Petersburg: science, culture, education*. Saint-Petersburg: Rostock, 2005. 189–216 (in Russ.).

17. Dovgar O. V. The German contribution to the formation of Russian pedagogical culture in the first half of the 18th century. *Bulletin of the Saint-Petersburg State University of Culture*. 2021. 4 (49), 45–51 (in Russ.).

18. Augustine (Nikitin), archimandrite. German Evangelical Lutheran Church of St. Peter. *Germans in Russia. Petersburg Germans*. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 1999. 281–320 (in Russ.).

19. S. L-g. On Lutheran and Reformed Churches in St. Petersburg. *Orthodox Review*. 1863. 12, 286–315 (in Russ.).

20. Tatsenko T. N. German Evangelical Lutheran Communities in Saint-Petersburg in the 18th – 20th centuries. *Germans in Russia. Petersburg Germans*. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 1999. 245–280 (in Russ.).

21. Bogdanov A. I. Description of Saint-Petersburg: Complete ed. of the unique Russ. historical and geographical work of the middle of the XVIII century / North-Western Bible Commis.; Saint-Petersburg Branch of the Arch. of the Russ. Acad. of Sciences. Saint-Petersburg, 1997. 414 (in Russ.).

22. Tumansky F. Description of Saint-Petersburg. Article four. *Vasilyevsky Island*. Russian store. 1792. 1, 154.